

Н. Р. Сумбатова

КОНСТРУКЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Краткие сведения о даргинском языке

Традиция рассматривает даргинский как единый язык, составляющий отдельную подгруппу нахско-дагестанской семьи, хотя это скорее конгломерат многочисленных диалектов или даже языков (не менее 15–20), весьма сильно отличающихся друг от друга (предполагаемое время расхождения даргинских «диалектов», по подсчетам Т. А. Майсака и Ю. Б. Корякова, III в. до н. э.). Носители даргинского языка в основном проживают в центральной и восточной частях Республики Дагестан, общее число говорящих — около 500 тысяч человек (оценка 2002 г.).

Как и в большинстве нахско-дагестанских языков, имена существительные в даргинском имеют категории числа, падежа и именного класса. Классное согласование помимо глаголов демонстрируют некоторые прилагательные, местоимения и деривационные суффиксы, а также показатели эссива в составе существительных, послелогов и локативных наречий. В диалектах даргинского языка представлены, как правило, от двух до четырех местных падежей и четыре-шесть локативных серий.

Даргинский глагол образует чрезвычайно большое число видо-временных и модальных парадигм. Большая часть финитных форм глагола представляет собой комбинацию одной из нефинитных форм либо одной из глагольных основ и потенциально отделяемой от глагола частицы, выражающей лицо, время, отрицание, вопрос и т. п. Даргинский принадлежит к числу немногих нахско-дагестанских языков, имеющих развитое личное согласование.

Как и другие нахско-дагестанские языки, даргинский считается языком эргативного строя: в переходных клаузах А-аргумент (агенс) стоит в эргативном падеже, а Р-аргумент (пациенс) — в абсолютном падеже, который также является падежом главного актанта непереходного глагола. Однако помимо непереходной и эргативной в даргинском языке имеются еще несколько конструкций предложения. Возможность употребления в той или иной конструкции является лексическим свойством глагола, при этом переходные глаголы, как правило, могут употребляться более чем в одной конструкции.

Краткое описание конструкций даргинского предложения и составляет основное содержание данной работы. В разделе 2 на основании конструкций, в которых употребляется предикат, выделяются синтаксические классы предикатов даргинского языка. В разделе 3 описаны синтаксические особенности и функции конструкций, в которых выступают переходные глаголы. В заключительном разделе формулируются некоторые обобщения и выводы.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 10-04-00228а.

© Н. Р. Сумбатова, 2010

2. Синтаксические классы предикатов

При выделении различных конструкций предложения существенно противопоставление ядерных и неядерных аргументов глагола. Ядерными мы называем аргументы, обладающие какими-либо подлежащими свойствами, однако поскольку подробный анализ подлежащих свойств именных групп не входит в задачи данной работы, мы будем называть ядерными любые аргументы, способные контролировать личное или классное согласование главного предиката и/или связи.

Будем считать, что *конструкцию* предложения определяют следующие его свойства: (1) оформление ядерных актантов; (2) правила контроля личного и классного согласования. Конструкции, в которых употребляется тот или иной предикат, задают синтаксические классы предикатов данного языка.

2.1. Непереходные глаголы и непереходная конструкция предложения

В непереходной конструкции один ядерный аргумент, он выражен ИГ в абсолютиве. Абсолютивный аргумент контролирует классное и личное согласование в клаузе. Косвенные дополнения и обстоятельства, если они есть, могут стоять в любых падежах, кроме эргатива агенса и абсолютива. Непереходными мы называем глаголы, которые употребляются только в непереходной конструкции.

Рассмотрим, например, следующее предложение:

Ицаринский диалект²

(1) du ik'-ul-da: dučilla w=iš:-ib-lejk: i,
я (м)сказать:IPF-CONV-1 ночью м-спать:PF-PRET-CONV+NEG:1
arg-a-t:a du qil
идти:IPF-PRG-1 я домой
'Я говорю: «Я ночью не спал, пойду домой».'

В примере (1) три клаузы и три финитных глагола: ik'ulda 'говорю', wiš:iblejk: i '(я) не спал' и argat:a 'иду'. Все они непереходные и управляют абсолютивным падежом подлежащего du 'я' (при втором по порядку глаголе подлежащее опущено). Во всех трех клаузах глагол стоит в форме первого лица, а в первых двух клаузах он также согласуется с абсолютивом по классу (мужской класс).

2.2. Безличные глаголы и безличная конструкция предложения

Безличной будем называть конструкцию при глаголах, не имеющих абсолютивного актанта. В даргинском эта конструкция вполне обычна с неглагольными предикатами, выражающими состояние человека или среды, а также модальные значения (см. пример 3 с оценочным предикатом {a^h:a^h-l 'хорошо'}, но чрезвычайно редка с глаголами. В ица-

² Все примеры из ицаринского диалекта взяты из работы [1].

ринском диалекте, например, зафиксирован всего один безличный глагол — b=us-ar-aj ‘идти (о дожде, снеге)’, который управляет эргативом существительных marka ‘дождь’, du^hi ‘снег’ и т. п., ср. пример 2.

Ицаринский диалект

(2) marka-l / du^hi-l b=us-a-ca=b
дождь-ERG / снег-ERG N-идти-PRG-COP-N
‘Идет дождь/снег’.

(3) niš:ij ʕa^hχ:a^h-l b=u^h-ib-li-di, ɥa^hɥa^h-la ix_o-ij-ci,
вы:SUPER хороший-ADV N-быть-PRG-CONV-PAST пуля-GEN
стрелять-SUBJ:ТН:1-ATR
karteč-la ix-ub-li d=u^h-u-t-a-l
картечь-GEN стрелять:PF-PRG-CONV 1/2PL-быть-ТН-2-PL-COND

‘Вместо того чтобы стрелять пулями, надо было выстрелить картечью’ [досл. ‘для вас было бы хорошо (...) выстрелить картечью’].

2.3. Экспериенциальные глаголы и аффективная конструкция предложения

Как известно, для нахско-дагестанских языков характерно использование при экспериенциальных глаголах так называемой аффективной конструкции, в которой экспериенцер стоит в дативе или другом функционально близком падеже и обладает хотя бы некоторыми подлежащими свойствами. В даргинском аффективная конструкция характерна для сравнительно небольшого числа предикатов. По-видимому, единственный глагол, который требует аффективной конструкции во всех диалектах, — это глагол со значением ‘любить, хотеть’.

Ицаринский

(4) dam pat’imat r=ik:-ul-da
я:SUPER Патимат F-хотеть:IPF-CONV-1
‘Я люблю Патимат.’

(5) sakinat-li-j r=uk-an-aj b=ik:jl-ca=b
Сакинат-OVL-SUPER F-есть-ITR-SUBJ N-хотеть:CONV-COP-N
‘Сакинат хочет есть’.

Другие экспериенциальные глаголы (например, ‘слышать’, ‘видеть’, ‘уствовать’, ‘бояться’, ‘радоваться’ и др.) неоднородны по диалектам: в одних диалектах они попадают в переходный или непереходный класс, в других — употребляются в аффективной конструкции, в третьих — допускают обе эти возможности. Так, в ицаринском примере (6) при экспериенциальном глаголе urux: b=ik’- ‘бояться’ используется аффективная конструкция, в (7) при глаголе b=aq’-/b=iq’- ‘слышать’ — эргативная, а в (8) при глаголе qum.ert-/qum.irt- ‘забывать’ — непереходная.

Ицаринский

(6) du qil-i=b gaz b=iš-aq-ṅ-ak!-al b=igal
я дом-OBL-N(INESS) газ N-гаснуть:PF-CAUS-PRET-NEG-CONV

N-остаться

b=ir-an-ni r=ik'ṅil urux!r=ik'-ul-da
N-быть-OBLG-CONV F-что [F]бояться:IPF-CONV-1

‘Я боюсь, что не выключила дома газ’.

(7) ma^hamma-j.čilla du-l ʔa^h-ci χabar b=a^q-ib-da
Магомед-CONT я-ERG хороший-ATR новость N-слышать:PF-PRET-1

‘Я получил хорошие новости от Магомеда’.

В аффективной конструкции ИГ-экспериментер обладает подлежащими свойствами; в частности, такая ИГ способна контролировать личное согласование глагола (как в примере 6). Если глагол управляет дативом, но дативная ИГ не обладает свойствами подлежащего, то соответствующая конструкция не является аффективной (как правило, она оказывается непереходной), см. пример (8):

(8) dumbat-qal dajla-qal wapš'e qum.ert-ur-ca=d
niš:ij
завтрак-ASC.PL обед-ASC.PL вообще(рус.) забыть:PF-PRET-COP-NPL мы:
DAT/SUPER

‘Про завтрак, обед и все такое мы вообще забыли’.

2.4. Переходные глаголы и эргативная конструкция предложения

Эргативной мы будем называть конструкцию с двумя ядерными аргументами: А-аргумент (агенс) стоит в эргативе, Р-аргумент (пациенс) — в абсолютиве. Для даргинского языка существенно, что А-аргумент обладает подлежащими свойствами: прежде всего, он может контролировать личное согласование глагола, а в некоторых диалектах (акушинском, тантынском, худуцком, кубачинском) также и классное согласование связки (п. 3.1). Переходными мы будем считать глаголы (лексические единицы), которые могут образовывать эргативную конструкцию.

Рассмотрим простейший пример:

Ицаринский

(9) du-l t'ult' b=uk-a-t:a
я-ERG хлеб N-есть-PRG-1

‘Я ем хлеб’.

В примере (9) глагольная форма настоящего времени управляет эргативным падежом агенса первого лица du ‘я’ и абсолютивом пациенса третьего лица t'ult' ‘хлеб’. Клас-

сный показатель в глаголе контролируется абсолютивной ИГ, личный показатель — эргативной ИГ³.

В даргинском встречаются также обстоятельственные ИГ в эргативе (например, в инструментальном значении, как группа *dis:il* ‘ножом’ в примере (10) и *karta-b-a-lli* ‘в карты’ в (11)). Таким образом, наличия ИГ в эргативе недостаточно для признания глагола переходным, а конструкции — эргативной (например, конструкция в примере (11) непереходная).

Ицаринский

(10) *du-l dis:il dig ka.b=iš:ib-da*
я-ERG нож-ERG мясо N-резать:PF-PRET-1
‘Я режу мясо ножом’.

(11) *dehni karta-b-a-lli b=iq'ib-ca=b*
дети карта-PL-OBL-ERG HPL-делать:IPF-PRET-COP-HPL
‘Дети, оказывается, играли в карты’.

Далеко не каждое употребление лексически переходного глагола означает наличие эргативной конструкции. Помимо эргативной, даргинские переходные глаголы могут употребляться в биабсолютивной, антипассивной, иногда также в партитивной конструкции (отдельные диалекты, как правило, имеют только часть перечисленных конструкций). Все эти конструкции подробнее разбираются в разделе 3.

Помимо непереходных, безличных, экспериенциальных и переходных глаголов в любом диалекте, как правило, имеется несколько глаголов, управляющих двумя абсолютивными ИГ (в основном это связочные глаголы ‘быть’; ‘становиться’; ‘звать, называть’ и т. д.).

3. Синтаксические конструкции, образуемые переходными глаголами

3.1. Две разновидности эргативной конструкции

В диалектах даргинского языка представлены два варианта эргативной конструкции. В первом варианте глагол — будь то синтетическая или аналитическая форма — согласуется по классу с абсолютивом (как в примере 12, где классный маркер и в основной части глагола, и в связке определяется абсолютивной группой *s:uleŋi* ‘стекло’):

Ицаринский

(12) *murad-il s:uleŋi b=elq'-un-ca=b*
Мурад-ERG стекло N-разбить:PF-PRET-COP-N
‘Мурад разбил окно’ [букв. ‘стекло’].

³ В ицаринском диалекте лицо контролирует тот из ядерных аргументов, который выше другого в иерархии $2 > 1 > 3$; в данном случае это эргативная ИГ первого лица.

Будем называть эту разновидность эргативной конструкции «конструкцией с абсолютным контролем классного согласования». Только такие эргативные конструкции представлены, например, в ицаринском и кункинском диалектах.

В некоторых диалектах зафиксирована другая разновидность эргативной конструкции: в этом варианте основная часть глагола согласуется по классу с абсолютивной группой, а связка — с А-аргументом в эргативе, как в примере (13) из акушинского диалекта:

- (13) *dudeš-li dhuz b=uč'-ul-sa=j*
отец-OBL:ERG книга N-читать:IPF-CONV-COP-M
‘Отец читает книгу’ [2, p. 42].

Конструкции такого типа будем называть «конструкциями с расщепленным классным согласованием». Разумеется, такие конструкции возможны только в тех случаях, когда в составе глагольной формы имеется связка. При синтетических формах глагола возможен только один тип классного согласования — с абсолютивной ИГ.

Соотношение двух разновидностей эргативной конструкции и факторы, определяющие выбор одной из них в дискурсе, мало исследованы. Некоторые сведения об акушинском диалекте содержатся в работе Хельмы ван ден Берг [2, p. 42], в которой говорится, что в конструкциях, где связка согласуется с абсолютивом, подчеркивается топикальность абсолютивной ИГ. Сходная картина наблюдается в диалекте селения Танта (цудахарская группа), который мы исследовали несколько подробнее. В тантынском представлены обе разновидности эргативной конструкции, причем по умолчанию используется конструкция с расщепленным согласованием, ср. 14a и 14b:

- (14) a. *murad-li t'ant'i=b qali b=irq'-u-le-sa=j*
Мурад-ERG Танта-N(ESS) дом N-делать:IPF-PRS-CONV-COP-M
b. *murad-li t'ant'i=b qali b=irq'-u-le-sa=b*
Мурад-ERG Танта-N(ESS) дом N-делать:IPF-PRS-CONV-COP-N
‘Мурад строит дом в Тантах’.

Конструкции с расщепленным контролем согласования более частотны и первыми выдаются при элицитации примеров. Однако для большинства предложений с переходными глаголами и связками конструкции с абсолютным контролем (как 14b) также грамматичны. Как правило, контроль классного согласования связки осуществляет тот из ядерных аргументов глагола, который обладает большей степенью топикальности. В большинстве случаев большей топикальностью обладает А-аргумент, отсюда и преобладание конструкций с расщепленным контролем согласования. Однако в тех ситуациях, когда высокой степенью топикальности обладает пациенс, он может перехватывать контроль согласования, ср. примеры 15a и 15b:

- (15) a. *se-li-ž ʔa^s-li ʔe-la χ_oe it-u-se-de ?*
что-OBL-DAT ты-ERG ты-GEN собака бить-PRS-ATR-2
hit-i-li di-la uc:i uc-ib-le-sa=b/-sa=j*
ДЕМ-OBL-ERG я-GEN брат ловить:PF-PRET-CONV-COP-N/*-COP-M
‘Почему ты бьешь свою собаку? — Она укусила моего брата.’

b. ʔe-la uc:i-li-ž se b=it-arg-ur-se ?
 ты-GEN брат-OBL-DAT что N-PV-идти:PF-PRET-ATR
 hit χ_ee-li uc-ib-sa=j/*-sa=b
 DEM(ABS) dog-ERGловить:PF-PRET-COP-M/*-COP=N
 ‘Что случилось с твоим братом? — Его укусила собака’.

В предложении 15a более топиальным является А-аргумент (эргатив), поэтому единственно возможной оказывается конструкция с расщепленным контролем согласования (в обоих случаях согласование связки контролируется эргативом), а в предложении 15b высокой степенью топиальности обладает абсолютив, который и становится единственно возможным или по крайней мере предпочитаемым контролером согласования связки.

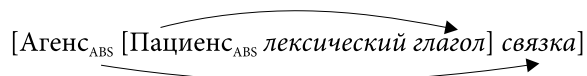
Возможность абсолютивного контроля связки коррелирует также с положением ядерных актантов в иерархии одушевленности [3]. Пациенс, как правило, контролирует класс связки в тех случаях, когда оказывается выше агенса в иерархии одушевленности, как в (16):

(16) hit zimizal-li uc-ib-le-sa=j/*-sa=b
 ДЕМ муравей-ERG (М)ловить:PF-PRET-CONV-COP-M/*-COP-N
 ‘Его укусил муравей’.

С другой стороны, очевидно, что аргумент, низко расположенный в иерархии одушевленности и к тому же неопределенный (как эргатив в примере 16), имеет мало шансов на то, чтобы обладать высокой степенью топиальности, так что, по-видимому, здесь мы имеем дело лишь со статистической корреляцией, основная же функция, которую выполняет оппозиция двух типов согласования, — выделение топика предложения.

3.2. Биабсолютивная конструкция

Во многих языках нахско-дагестанской семьи (чеченском, аварском, лакском, бежтинском и др.) представлена также биабсолютивная конструкция. В этой конструкции оба ядерных аргумента кодируются абсолютивом. В большинстве случаев биабсолютивная конструкция возможна только при аналитических формах глагола, что позволяет считать ее бипредикативной: одну предикацию (вершинную) образует связка и подчиненный ей абсолютив агенса, другую (зависимую) — основной глагол и управляемый им абсолютив пациенса:

Для даргинского языка биабсолютивная конструкция является очевидно маргинальной. Она — возможно, под аварским влиянием — представлена в мегебском диалекте (см.: [4]), где основной ее функцией является, по-видимому, подчеркивание высокой степени топиальности агенса⁴.

⁴ Биабсолютивная конструкция зафиксирована также в ицаринском диалекте, но, по-видимому, крайне редка.

Мегебский

- (17) – sija b=iq'-uwe le=w-rañu ?
что N-делать:IPF-PRS.CONV COP-M-1D/2Q ты
bazal-li-če ar-q'^{si}-ülχalq'
базар-OBL-SUPER EL-идти:IPF-PRS.ATR народ
ħark'-i-če-di χ:as:ar-b=iq'-uwe le=w-ra
река-OBL-SUPER-PROL спасение-N-делать:IPF-PRS.CONV COP-M-1D/2Q
'Что ты делаешь? — Идущих на базар людей через реку перевозжу' [4, с. 144].

3.3. *Партитивная конструкция*

Конструкция, которую мы здесь называем партитивной, зафиксирована нами пока только в тантынском диалекте и только с глаголом d=erč:/d=uč:- 'пить'. В этой конструкции А-аргумент выражен эргативом, Р-аргумент — генитивом. Поскольку ни эргатив, ни генитив не могут контролировать класс основного глагола, он получает по умолчанию показатель неличного класса единственного числа:

Тантынский

- (18) a. da-li (li=d=il/kam-se) čaj d=erč:-ib-da
я-ERG весь[NPL]/мало-ATR чай NPL-пить:PF-PRET-1
'Я выпил чай (весь чай/немного чаю)'.
b. da-li (*li=d=il/kam-se) čaj-la b=erč:-ib-da
я-ERG *весь[NPL]/мало-ATR чай-GEN NPL-пить:PF-PRET-1
'Я попил чаю (*выпил весь чай/выпил немного чаю)'.

Партитивная конструкция, строго говоря, должна считаться разновидностью безличной. Однако она возможна с лексически переходными глаголами (такими, как глагол 'пить' в тантынском). Имеются примеры, которые, видимо, представляют собой образцы партитивной конструкции в других диалектах, однако исследование этой конструкции пока не проводилось. Так, в ицаринском примере (19) в последней клаузе глагол b=a'q'- 'слышать' управляет эргативом ИГ hil.k'al 'никто' и генитивом ИГ tupangla dehla 'звук выстрела' (дословно 'звук ружья').

Ицаринский

- (19) il-il, q:urkur.b=erč'-ib-q:illa, tupang ix-ub,
ДЕМ-ERG [N]гром:PF-PRET-когда ружье стрелять:PF-PRET
he:lij tupang-la deh-la hil.k'al b=a'q'-b-ak:u
поэтому ружье-GEN шум-GEN никто:ERG N-слышать:PF-PRET-NEG
'Он выстрелил в тот момент, когда раздался гром, и поэтому никто не услышал выстрела'.

3.4. Антипассивная конструкция

Антипассив в эргативных языках — залог, понижающий синтаксический статус абсолютного актанта. Часто цитируемое определение из работы [5, р. 73–74]: «Антипассивная деривация (а) применяется к исходно непереходному предложению и преобразует его в производное переходное; (б) исходный А-аргумент становится S-аргументом антипассивного предложения; (в) исходный Р-аргумент становится одним из периферийных аргументов и приобретает соответствующее маркирование — одним из неядерных падежей, послелогом и т.п.; этот аргумент может быть опущен, хотя всегда сохраняется возможность его присутствия в предложении; (г) антипассивная конструкция имеет специальное поверхностное маркирование»⁵ (перевод наш. — Н. С.).

Для нахско-дагестанских языков антипассивная деривация — не слишком частое явление. Она отмечена в аварском, цезских и некоторых андийских языках (см., например: [6]). То явление, которое мы называем антипассивом в даргинском языке, не является антипассивным залогом, так как в даргинском не существует специальных антипассивных форм глагола, но может быть названо антипассивной конструкцией. В отличие от биабсолютивной конструкции, антипассивная конструкция широко распространена в даргинском языке и, видимо, возможна в большинстве диалектов.

В даргинской антипассивной конструкции агенс и пациенс переходного глагола как бы меняются местами: агенс переходного глагола оформляется абсолютивом, а пациенс («бывший» абсолютив) — эргативом:

Ицаринский

(20) а.	du-l	t'ult'	b=uk-a-t:a
я-ERG	хлеб	N-есть:IPF-PRG-1	
б.	du	t'ult'-il	uk-a-t:a
я	хлеб-ERG	(M)есть:IPF-PRG-1	
	'Я ем хлеб'.		

«Новый» эргатив — эргатив пациенса — не обладает подлежащими свойствами: в частности, он не контролирует классное согласование связки даже в тех диалектах, где такое согласование является нормой (см. пример 24а). Кроме того, такой эргатив, как правило, не может быть выражен группой первого или второго лица и соответственно не может вызывать появление личных показателей в глаголе. По-видимому, здесь мы имеем дело с неядерным эргативом — падежом обстоятельственных ИГ. Таким образом, ИГ-пациенс в антипассивных предложениях занимает менее престижную синтаксическую позицию, чем в соответствующих эргативных, а сами такие предложения являются синтаксически непереходными. Мы будем относить к числу антипассивных также предложения, в которых пациенс опущен, если лексически переходный глагол в них и по лицу, и по классу согласуется с агентивной ИГ в абсолютиве (см. пример 26).

Как правило, антипассивные конструкции возможны только с глагольными формами несовершенного вида, ср. примеры из тантынского диалекта:

⁵ “Antipassive derivation (a) applies to an underlying transitive clause and forms a derived intransitive; (b) the underlying A becomes S of the antipassive; (c) the underlying P argument goes into a peripheral function, being marked by a non-core case, adposition, etc.; this argument can be omitted, although there is always the option of including it; (d) there is some explicit formal marking of an antipassive construction...”

Тантынский

- (21) a. it-i-li har.murt di-la pa^srtal d=iq:-u
 DEM-OBL-ERG всегда я-GEN одежда NPL-носить:IPF-TH
 b. hit har.murt di-la pa^srtul-t-a-li r=iq:-u
 DEM(ABS) всегда я-GEN одежда-PL-OBL-ERG F-носить:IPF-TH
 ‘Она постоянно носит мою одежду’.

- (22) a. pat^rimat-li li=d=il kampil^t-e d=erk:-un
 Патимат-ERG весь[NPL] конфета-PL NPL-есть:PF-PRET
 b. *pat^rimat li=d=il kampil^t-a-lli r=erk:-un
 Патимат весь[NPL] конфета-OBL.PL-ERG F-есть:PF-PRET
 ‘Патимат съела все конфеты’.

Противопоставление переходной (эргативной) и антипассивной конструкций сохраняется при каузативизации переходного глагола. Как правило, при образовании каузатива в даргинском падежное маркирование всех аргументов глагола, кроме переходного агенса, сохраняется без изменений, а переходный агент (А-аргумент) оформляется одним из локативных падежей (иллативом или элативом).

Каузативизация переходного глагола:

	NP _{ERG}	NP _{ABS}	(NP _{OBL})	Исходная клауза
	↓	↓	↓	
NP _{ERG}	NP(causee) _{LOC}	NP _{ABS}	(NP _{OBL})	Каузативная конструкция

Каузативизация непереходного глагола:

	NP _{ABS}	(NP _{OBL})	Исходная клауза
	↓	↓	
NP _{ERG}	NP(causee) _{ABS}	(NP _{OBL})	Каузативная конструкция

При каузативизации антипассивной конструкции падежное оформление актантов такое же, как при каузативизации непереходных клауз: все аргументы исходного глагола, включая неядерный эргатив, сохраняют свои падежи, как в следующем акушинском примере:

Акушинский [2, p. 240]

- (23) nu-ni b.i[?].alli ħu ħerk^t-li-či b-uk-i-li,
 я-ERG однако ты:ABS река:OBL-SUPER N-lead-AOR-CONV
 [šin-ni ħe-b-udħ-aq-i-li] čar+b-ir-u-ri
 вода-OBL:ERG NEG-N-пить-CAUS-AOR-CONV вернуться+N-делать-FUT-2
 ‘Однако я могу отвести тебя к реке и заставить вернуться, не дав тебе попить воды’.

Во вложенной предикации šin-ni ħe-b-udħ=aq-i-li ‘не позволив выпить воды’ (глагол ‘пить’ — переходный) ИГ šin-ni ‘вода’ оформлена эргативом, а следовательно, произведена каузативизация не эргативной конструкции (в которой ‘вода’ оформляется абсолютивом), а антипассивной.

Большинство исследователей антипассивных конструкций ([7], [8] и проч.; подробный обзор см. в работе [9]) противопоставляют по крайней мере две группы функций антипассива — семантико-прагматические (которые в свою очередь можно разделить на собственно семантические и прагматические) и синтаксические. Как и для большинства языков, имеющих антипассив, для даргинского основными являются семантико-прагматические функции антипассива. Краткое обобщение этих функций содержится в работе [7]: «Когда антипассив используется в семантических или прагматических целях, он указывает на то, что определение воздействия А на идентифицируемый объект О вызывает определенные сложности»⁶ (перевод наш. — Н. С.). Как правило, такая ситуация связана с определенными свойствами объекта: либо он не полностью вовлечен в ситуацию (при определенных видовых значениях), либо Р-аргумент и его изменения нерелевантны для говорящего. В первом случае мы имеем дело с семантическими функциями антипассива, во втором — с прагматическими.

Семантика антипассива в даргинских диалектах исследована мало, однако имеющихся сведений достаточно, чтобы утверждать, что даргинская антипассивная конструкция может употребляться как для выражения некоторых видовых значений, так и в прагматических целях, причем семантические и прагматические функции антипассива, как правило, связаны друг с другом.

Семантические функции антипассива связаны с понижением переходности ситуации в смысле П. Хоппера и С. Томпсон [10]. В антипассивной конструкции в основном реализуется по крайней мере одно из двух не вполне независимых значений: во-первых, имперфективность, точнее, та или иная ее разновидность — чаще всего хабитуальность; во-вторых, низкая степень индивидуализации пациенса (пациенс множественный, неопределенный, нереферентный).

Например, в тантынском диалекте, для которого функции антипассива исследованы несколько более подробно, основной функцией антипассива является именно понижение статуса Р-аргумента. Как правило, антипассивные конструкции в тантынском сочетают два аспекта антипассивной семантики: с одной стороны, использование антипассивной конструкции указывает на то, что ИГ-пациенс прагматически не важна для говорящего; с другой стороны, отсутствие прагматической выделенности пациенса обычно коррелирует с семантическими свойствами конструкции, а именно — с определенной разновидностью глагольной множественности (хабитуальность или дистрибутивность) и референциальными свойствами самого пациенса (ИГ-пациенс нереферентна или по крайней мере неопределенна).

В примере (24) глагол, который стоит в форме аналитического настоящего времени (с широким спектром значений), реализует хабитуальное значение и требует множественного объекта:

(24) а. di-la ruci har zamana di-la k_oalx-n-a-li
 я-GEN сестра каждый время я-GEN платок-PL-OBL-ERG
 r-iq-u-le-sa=g

Р-НОСИТЬ:IPF-PRS-CONV-COP-F

‘Моя сестра всегда носит мои платки’.

⁶ “The antipassive which is used for semantic/pragmatic reasons is best described as indicating a certain degree of difficulty with which an effect stemming from an activity by A on an identifiable O can be recognized”.

b. *di-la ruci har zamana di-la k_oalxi-li
 я-GEN сестра каждый время я-GEN платок-ERG
 r-iq:-u-le-sa=g
 F-носить:IPF-PRS-CONV-COP-F
 'Моя сестра всегда носит мой платок'.

Формально ИГ-пациенс может быть в единственном числе, но референциально она практически всегда относится к совокупности объектов, как в примере (25), где глагол также имеет хабитуальное значение⁷:

(25) pat'imat r=ax-u-ʃa^sle, žuž-a-li
 Патимат F=идти:IPF-PRS-когда книга-PL.OBL-ERG
 r=uč'-an/ r=uč'-un-ne-sa=r=i/ r=uč'-un-ne r=iγ_o-ag
 F-читать:IPF-TH F-читать:IPF-PRS-CONV-COP[F] F-читать:IPF-PRS-CONV
 F-становиться:IPF-TH
 'Патимат (обычно) читает на ходу' (досл. 'когда идет, читает книгу').

Нереферентный, прагматически не выделенный пациенс может опускаться совсем, как в следующем примере из текста, описывающего похоронный обряд:

(26) [ʃa^sb-al ber-li-ž žuž-e d=elč'-iž]
 три-ORD день-OBL-DAT книга-PL NPL-читать:PF-INF
 [[uč'-iž b=alχ-u-se] insan] kalt-a
 читать:IPF-INF N-знать-PRS-ATR человекPV+оставаться-TH
 '[После похорон] тот [человек], кто умеет читать, в течение трех дней продолжает читать книги'.

Здесь в придаточном относительном *uč'-iž b=alχ-u-se* употреблен глагол 'читать' без пациенса и в форме мужского класса. Это значит, что позицию абсолютивного аргумента, который контролирует класс глагола, в данном случае занимает ИГ 'человек', ко-референтная вершине относительного придаточного и поэтому опущенная. Следовательно, это антипассивная конструкция, в которой ИГ-пациенс опущена. Пациенс здесь нереферентен и прагматически неважен для говорящего; относительное придаточное характеризует свойства агенса, а не пациенса. Употребление антипассивной конструкции в таких случаях легко объяснимо как с семантических, так и с прагматических позиций.

Пример (27) иллюстрирует такое употребление антипассива, которое можно считать чисто прагматическим (хотя позицию пациенса в нем занимает вопросительное местоимение, которое, строго говоря, удовлетворяет критерию нереферентности пациенса):

⁷ Глагол в примере (25) может стоять по крайней мере в трех разных формах, при этом формы *r=uč'-an* (настоящее общее) и *r=uč'-un-ne r=iγ_o-ag* (аналитическая конструкция, где в настоящем общем стоит вспомогательный глагол) сами по себе передают хабитуальность ситуации, а форма презенса *r=uč'-un-ne-sa=r=i*, вообще говоря, имеет очень широкое значение, которое получает хабитуальную интерпретацию в данном контексте именно потому, что употреблена антипассивная конструкция.

- (27) a. se b=irq'-u-le murad-li ? —
 что N-делать:IPF-PRS-CONV Мурад-ERG
 murad t'ant'i=w qul-r-a-li w=irq'-u-le-sa=j
 Мурад(ABS) Танты-М(ESS) дом-PL-OBL-ERG М-делать:IPF-PRS-CONV-COP-М
 'Чем занимается Мурад? — Мурад строит дома в Тантах' (досл. 'Что делает Мурад?')
- b. se-li w=irq'-u-le murad ? —
 что-ERGМ-делать:IPF-PRS-CONV Мурад(ABS)
 murad ʔa^ç-le sa=j
 Мурад хороший-ADV COP-М
 'Как дела у Мурада? — Все в порядке' (досл. 'Что делает Мурад? — Мурад хорошо').

Вопросительная часть обоих предложений в примере 27 дословно означает 'Что делает Мурад?'. В примере (27a), где употреблена эргативная конструкция, говорящий действительно хочет узнать, что делает Мурад, — для него прагматически значимо то, чему соответствует вопросительное местоимение 'что'. В (27b) вопросительное местоимение и та информация, которой оно соответствует, для говорящего несущественны, вопрос на самом деле означает 'Как дела у Мурада?', а вопросительное предложение является непереходным.

Пациент не попадает в сферу внимания говорящего в двух принципиально разных ситуациях: (1) пациент хорошо известен (референциально доступен) и не нуждается в дополнительном упоминании; (2) внимание говорящего сосредоточено на агенте, а пациент, наоборот, незначим, поскольку не индивидуализирован/нереферентен. В первом случае антипассив хотя и возможен (как в примере 28), но обычно не используется: чаще просто происходит опущение пациента с сохранением переходности глагола, как в (29).

Кункинский

- (28) čaka-li ka-b=iš-ib-le-zamana,
 орел-ERG PV-N=положить:PF-PRET-CONV-когда
 q:urče-d=ax-le sa=d-i ilt:u č'ik-ne...
 клевать-NPL=идти:IPF-CONV COP[NPL] там орел-PL
 [Орел медленно отнес тушу на вершину горы. Потом он медленно положил ее.] 'Когда он ее положил, другие орлы клевали ее...'

Тантынский

- (29) či-li b=at-ur-a ʔa^çt telefon ? —
 кто-ERG N-оставить:PF-PRET-Q ты:DAT телефон
 dam uc:i-li b=at-ur
 я:DAT брат-ERG N-оставить:PF-PRET
 'Кто оставил тебе телефон? — Мой брат (оставил).'

Во втором случае употребление антипассива очень типично, но, как легко заметить, прагматические функции антипассива тут сливаются с семантическими. Собственно, этот второй случай иллюстрируют примеры с 23 по 26.

Таблица 1. Основные конструкции предложения в даргинском языке

	непереходная	афрективная	с абсолютным контролем согласования	эргативная с расщепленным контролем согласования	антипассивная	биабсолютивная
диалекты	езде	езде	езде (?)	литературный, тангинский, хулуджий, кубачинский и др.	езде (кроме метебского)	метебский
область употребления	непереходные глаголы во всех формах	некоторые экспериментальные глаголы и предикативные наречия	переходные глаголы	переходные глаголы	переходные глаголы, обычно несовершенного вида	переходные глаголы в аналитических формах
падеж А	***	***	ЭРГ	ЭРГ	АБС	АБС
падеж S/P	АБС	(АБС)	АБС	АБС	(ЭРГ)	АБС
падеж Ехр	***	ДАТ	***	***	***	***
контролер класса глагола	АБС	АБС	АБС	АБС	АБС	АБС (S/O)
контролер класса связи	АБС	АБС	АБС	ЭРГ	АБС	АБС (А)
контролер лица	АБС	АБС/ДАТ	ЭРГ/АБС	ЭРГ/АБС	АБС	ЭРГ (Метеб)

4. Заключение

В таблице 1 на стр. 121 суммированы основные свойства базовых конструкций даргинских предложений (в таблице не учтены глаголы, употребляющиеся в безличной и партитивной конструкции, а также связочные глаголы). Легко видеть, что оппозиция «непереходная конструкция vs. аффективная конструкция vs. прочие конструкции» основана на словарных свойствах предиката, в основном на его лексической семантике. Оппозиция двух разновидностей эргативной конструкции, антипассивной и биабсолютивной конструкций выражает либо семантику актуальной ситуации, либо прагматические свойства ядерных аргументов предиката.

Таким образом, в даргинских диалектах зафиксированы три набора основных конструкций:

(1) литературный язык, хуцуцкий, тантынский, кубачинский диалекты: эргативная конструкция с расщепленным контролем классного согласования + эргативная конструкция с абсолютным контролем классного согласования + антипассивная конструкция;

(2) ицаринский и кункинский диалект: эргативная конструкция (с абсолютным контролем классного согласования) + антипассивная конструкция (возможно, также биабсолютивная конструкция на периферии);

(3) мегебский диалект: эргативная конструкция (с абсолютным контролем классного согласования) + биабсолютивная конструкция.

В первой системе нейтральной является эргативная конструкция с расщепленным контролем классного согласования; эргативная конструкция с абсолютным контролем помещает в топик и тем самым прагматически выделяет пациенс (Р-аргумент) ситуации; антипассивная конструкция, наоборот, помещает пациенс на периферию ситуации, одновременно сужая видовое значение предложения, и тем самым семантически и/или прагматически дополнительно выделяет А-аргумент.

Во второй системе нейтральной также является эргативная конструкция, но возможна только конструкция с абсолютным контролем классного согласования; тем самым выбор конструкции предложения позволяет специально маркировать только вторую возможность из перечисленных в предыдущем абзаце — понижение роли пациенса при помощи антипассива.

Аналогично в системе третьего типа нейтральной является эргативная конструкция с абсолютным контролем классного согласования; понижение роли пациенса или, скорее, подчеркивание топикальности и прагматической выделенности агенса возможно, но для этой цели употребляется биабсолютивная конструкция.

Характерно, что во всех трех системах есть средства понижения пациенса, в то время как средства его повышения (типичные для номинативно-аккузативных языков) имеются только в части диалектов.

Сокращения

1, 2 — 1-е, 2-е лицо;

1/2PL — классный показатель 1–2-го лица множественного числа;

1D/2Q — показатель 1-го лица декларатива и 2-го лица вопроса;

ABS — абсолютив;

ADV — наречие;
AOR — аорист;
ASC.PL — ассоциативная множественность;
ATR — атрибутив;
CAUS — каузатив;
COND — условное наклонение;
CONT — контентив;
CONV — деепричастие;
COP — связка;
DAT — датив;
DEM — указательное местоимение;
EL — элатив;
ERG — эргатив;
ESS — эссив;
EXP — экспериенцер;
F — женский класс;
FUT — будущее время;
GEN — генитив;
HPL — личный множественный класс;
INESS — инэссив;
INF — инфинитив;
IPF — имперфектив;
ITR — непереходность;
M — мужской класс;
N — нейтральный (неличный) класс;
NEG — отрицание;
NPL — неличный множественный класс;
OBL — косвенная основа;
OBLG — облигатив;
ORD — порядковое числительное;
PAST — прошедшее время;
PF — перфектив;
PL — множественное число;
PRET — претерит;
PRG — прогрессив;
PROL — пролатив;
PRS — основа презенса;
PV — преверб;
Q — вопрос;
SUBJ — конъюнктив;
SUPER — локализация «супер» (нахождение на поверхности);
TH — тематический элемент.

Знак '=' отделяет классный показатель. В квадратных скобках показаны морфемы, находящиеся внутри другой морфемы или глагольной основы.

Глаголы в тексте цитируются в виде минимальной основы обоих видов; основы, присоединяющие классный показатель, приводятся с показателем неличного класса единственного числа =b=.

Литература

1. *Sumbatova N. R., Mutalov R. O.* A Grammar of Icarí Dargwa. München: LINCOM Europa, 2003. (Languages of the Worlds/Materials 92).
2. *Berg van den H.* Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden: CNWS, 2001.
3. *Silverstein M.* Hierarchy of Features and Ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.
4. *Магомедов А. А.* Меребский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
5. *Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y.* A typology of argument-determined constructions // J. Bybee, J. Haiman & S.A. Thompson (eds.). Essays on language function and language type. Dedicated to T. Givón. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 73–74.
6. *Беляева А. В., Короткова Н. А.* Биабсолютивная и антипассивная конструкции в нахско-дагестанских языках. Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21–28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 88–91.
7. *Cooreman A.* A functional typology of antipassives // Barbara Fox and Paul J. Hopper (eds.). Voice: form and Function. Amsterdam: Benjamins. 1994. P. 49–88.
8. *Lazard G.* The antipassive in accusative language: transitivity and markedness // Mišeska Tomič (ed.). Markedness in synchrony and diachrony. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1989. P. 309–331.
9. *Сай С. С.* К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
10. *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // Language 56. 1980. N 2. P. 251–253.